

АЙН РЭНД

Идеал

Айн Рэнд

Идеал (сборник)

«Издательство АСТ»

1934

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Рэнд А.

Идеал (сборник) / А. Рэнд — «Издательство АСТ», 1934

ISBN 978-5-17-095883-2

«Идеал» был написан Айн Рэнд в далеком 1934 году дважды – сначала как повесть, а затем как пьеса. Оба Идеала являются ярчайшими философскими повествованиями, в основе сюжета которых лежит возвышенная духовная и физическая красота молодой актрисы Кей Гонды. Драматургия и проза Айн Рэнд – явления весьма незаурядные, а ее философия объективизма и по сей день не утрачивает актуальности и находит своих последователей по всему миру. Повесть «Идеал» публикуется на русском языке впервые.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-095883-2

© Рэнд А., 1934

© Издательство АСТ, 1934

Содержание

Часть I	6
Вступление к повести Идеал	6
Примечание к рукописи Идеала	11
1	12
2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Айн Рэнд Идеал (сборник)

Ayn Rand
IDEAL

© Ayn Rand, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть I

Идеал

Повесть

Вступление к повести *Идеал*

В 1934 году Айн Рэнд написала *Идеал* дважды: сначала как повесть (на пятьдесят процентов более длинную, чем *Гимн*), которой не удовлетворилась и оттого отредактировала всего лишь поверхностно; а затем переработала, доведя до совершенства, уже в качестве пьесы. Обе версии тождественны в четырех аспектах, которые АР считала ключевыми в отношении литературы (за вычетом поэзии): в каждой из них одно и то же повествование разыгрывается (почти) одними и теми же персонажами; и невзирая на существенные различия в плане редакторской правки, каждый из них выписан в неповторимом литературном стиле АР. И хотя она не стала публиковать повесть, но рукопись сохранила в своем архиве.

Но почему АР превратила *Идеал* в пьесу? Она никогда не рассказывала мне об этом, однако, как я понимаю, основную причину такого решения следует искать в эпистемологическом различии между двумя литературными формами. Повесть использует понятия, и только понятия для изображения событий, персонажей и окружающего их мира. В пьесе (или в кино) используются понятия *и* объекты; последние возникают в восприятии аудитории реальных актеров, их движений, разговоров и так далее. Примером может служить экранизация новелл даже в точной адаптации. В романе переживание совершается напрямую через чтение; время от времени вы можете захотеть собственными глазами увидеть персонаж или какую-нибудь сценку, однако желание это остается второстепенным и преходящим. В кино – при том, что некая форма диалога как концептуального элемента является обязательной, – лицезрение и продолжение его требуются самой сущностью жанра. Вы можете глубоко погрузиться в повествование и праздно размышлять о том, как выглядела бы та или иная сцена; однако вы не видите ее на экране и не гадаете, каким могло бы стать ее описание.

Хорошие новеллисты способны придать поддающуюся восприятию реальность своим персонажам, однако делают это, оставаясь в рамках собственной формы. Сколь бы масштабным ни был их гений, они не в состоянии наделить читателя подлинным чувственным переживанием. Таким образом, ключевой вопрос в нашем контексте: что, если определенный сюжет по природе своей требует подобного переживания? Что, если его основные элементы могут быть в полной мере представлены и воплощены только с помощью воспринятых средств (конечно, в соединении с концептуальными)?

Ярчайшим примером подобного элемента в *Идеале* является *возвышенная, духовная и физическая красота* Кей Гонды. Эта особая разновидность красоты лежит в основе пьесы. Красота эта присуща самой героине в качестве очаровательной богини экрана и является тем самым средством, которое позволяет ей становиться воплощением идеала для миллионов людей. И если этот атрибут Кей утратит убедительность, сюжет потеряет правдоподобие. При всех прочих равных обстоятельствах кажется, что в данном контексте необходимость непосредственного восприятия побеждает чисто концептуальный подход. Описание внешности актрисы Греты Гарбо или молодой Катарины Хэпберн, сколь бы ни был велик писатель, никогда не сможет передать (во всяком случае в моих глазах) сияющее совершенство их лиц; однако, если увидеть их на экране (где оно не так очевидно, как на сцене), оно воспринимается с первого взгляда. (Я выбрал оба эти примера, потому что АР выделяла этих актрис из всех прочих; например, Гарбо послужила прообразом Кей.)

А вот и еще один аспект *Идеала*, который может потребовать отдать предпочтение восприятию. Сюжет в обоих его вариантах реализуется в быстрой смене персонажей, каждый из которых представляет собой лаконично стилизованный вариант темы измены собственному идеалу, реализованный в одном коротком эпизоде.

Действующие лица *Идеала* представлены красноречивыми при всей скупости красок портретами, чего требует этот тип стилизации. С учетом этой относительной простоты, меняя форму, АР теряет некоторое количество информации о своих персонажах, однако приобретает важный смысл. В столь кратком изложении любое описание не способно (по моему мнению) создать убедительное впечатление подлинного переживания, ибо не может сделать каждый эпизод подлинно реальным. На сцене, напротив, даже крохотная роль немедленно воспринимается как подлинная; нам нужно просто смотреть, и мы видим и слышим актера/актрису – лицо, тело, позу, походку, одежду, движения глаз, интонацию голоса и так далее.

Вот и третье соображение. *Идеал* в каждой из своих версий является определенным повествованием, однако, с точки зрения АР, не обладает сюжетом. (Она первой заметила это.) Начало и конец этой повести логически связаны, однако этапы хождения по мукам Кей, переходящей от одного предателя к другому, не представлены в качестве логической последовательности, движущейся шаг за неизбежным шагом в направлении климакса. Поэтому, быть может, АР сочла, что в прозаическом плане повествование это развивается несколько замедленно и может быть прочтено как статичная последовательность зарисовок характеров. По контрасту пьеса способна более непринужденно предположить движение повествования, даже не имеющего сюжета, так как предлагает непрерывное физическое действие. Конечно, таковое само по себе не имеет никакого эстетического значения в любой форме искусств, за исключением танца. Однако можно видеть, что в некоторых случаях оно может помочь облегчить проблему статичности произведения.

Все изложенные мной выше соображения не следует воспринимать в качестве попытки принизить форму новеллы. Сама концептуальная природа прозаического произведения – сама свобода *его* от необходимости делать мир концептуально доступным – позволяет художественной прозе создавать и делать реальными в каждом из своих атрибутов ситуации, несравненно более сложные и впечатляющие, чем это доступно пьесе. Если Кей Гонда на сцене становится более реальной, то о Дагни Таггарт нельзя этого сказать; она покажется нам более реальной на страницах книги, чем в том случае, если бы мы воспринимали ее исключительно как актрису, произносящую строки роли. Причина этого заключается в том, что полное понимание ее природы и силы самым серьезным образом зависит не от ее диалога и видимой деятельности, но от той информации, которую мы получаем не из визуального элемента романа. Три очевидных элемента: роман знакомит нас с тем, что, не облекаясь в слова, происходит в ее уме; с тем, что происходило в ее незримом для зрителя прошлом; а также с не поддающимися подсчету красноречивыми событиями, что делает невозможной его сценическую или даже кинематографическую постановку.

Даже если коснуться сцен, теоретически вполне реальных для визуального воплощения в прозаическом произведении, роман не ограничивается простым описанием того, что увидели бы мы, окажись в нужное время в нужном месте. Напротив, овладев нашим восприятием и *направив* его в нужную сторону, роман способен передать уникальную информацию, добиться уникальных эффектов. Автор управляет нами через природу и масштаб деталей, которые выбирает для конкретной сцены; он может воспользоваться на своей палитре необычайным изобилием красок, выходящим за любые, доступные человеческому взгляду пределы, или свести к минимуму количество нужных ему оттенков, подчеркивая всего лишь один небольшой аспект воспринимаемой сущности, пренебрегая всеми остальными как незначительными и являя тем самым тип избирательности, абсолютно недоступный зрителю (так, например один из архитекторов в *Источнике* характеризуется исключительно посредством его перхоти).

Далее, роман передает всю информацию и чувства, которые мы получаем и испытываем посредством использования авторами прозы словесных и коннотационных оценок. И разве дело ограничивается только этим? Перечисление всех отличительных черт, потенциально присущих такой длинной и сравнительно ничем не ограниченной художественной форме, как роман, выходит за пределы моих возможностей; я не способен даже предложить читателю разумным образом повествующую об этом книгу. Однако здесь я хочу внести определенное ограничение: а именно, многие из атрибутов романа в определенной степени доступны для представления на сцене и на киноэкране – однако, подчеркиваю, именно в *определенной*.

Каждая художественная форма обладает некоторым уникальным потенциалом и посему лишена ряда других преимуществ. Пьеса или кинофильм, созданные по мотивам романа, почти всегда уступают ему в части производимого впечатления, потому что не могут поравняться в сложности с исходным произведением. Аналогичным образом относительно простой роман может блистать на сцене благодаря той силе, с которой повествование подкрепляется визуальным элементом. Посему роман и пьеса равны, оставаясь каждый в рамках собственной формы, то есть оба они отвечают данному АР определению искусства, как «воспроизведению реальности согласно неопределенным метафизическим оценкам художника». Право выбора жанра своего произведения принадлежит автору. АР, как нам известно, предпочла видеть *Идеал* на сцене.

Хотя в указанном выше смысле повесть и пьеса равноправны, сценарий пьесы не тождествен ни тому ни другому. Сам по себе сценарий не является произведением искусства и не относится к литературному жанру. Новелла и пьеса наравне, в своей полноте, позволяют читателю вступить в созданный в обоих произведениях мир и испытать его воздействие на себе. Однако сам по себе сценарий не позволяет достичь этой цели: он опускает сущность в этом контексте литературного искусства; он пишется ради восприятия (дабы быть услышанным из уст выступающего на сцене коллектива актеров), однако сам по себе отстранен от подобного восприятия. Прочтение диалога само по себе, безусловно, обладает некоей ценностью, однако ценность эта не обладает рангом произведения искусства, являясь просто одним из его атрибутов. Подобное различие, полагаю, является основной причиной существенно большей популярности у читателей романов, а не сценариев.

Подобно всякому драматургу, АР предпочла сценическое воплощение *Идеала*, исходя из того, что пьеса эта будет поставлена. С точки зрения современной культуры, спектакль этот, однако, не состоялся; большинство из нас не имели и не будут иметь никакой возможности увидеть *Идеал* на сцене, не говоря уже о том, чтобы увидеть эту пьесу в ее надлежащем виде и даже с еще меньшими шансами увидеть ее в пристойном кинематографическом воплощении. Полностью войти во вселенную *Идеала* мы сможем, только прочитав саму повесть. Перед нами возникает сравнение между завершенным, но имеющим проблемы произведением, и произведением более качественным, но недоступным для нас.

Однако в повести присутствуют не только проблемы, она обладает многими достоинствами, уникальным образом присущими концептуальному воплощению повествования. Хотя АР осталась недовольна своей работой, не думаю, что, публикуя ее повесть теперь, поступаю против ее желания. Причина заключается как в природе нашей современной культуры, так и в том, что после смерти автора прошло еще не так много времени. Сейчас, по прошествии восьми десятков лет после выхода пьесы в свет, никто не может представить, что она считала эту свою повесть законченным произведением или полностью достойным ее собственных стандартов публикации. И чтобы выразить свое желание подтвердить ее решение, мы не рекламируем эту новую книгу как «новое произведение Айн Рэнд». В самом деле, я пишу это вступление в основном для того, чтобы подтвердить сделанное ею решение, а также объяснить, почему, несмотря на многие достоинства, она отвергла его, а уже потом в данном контексте допустить читателя к его достоинствам.

Воздавая хвалу новелле, я совершенно не хочу упускать из виду те изменения, которые АР внесла в сюжет при написании сценария, потому что в ряде отношений пьеса очевидным образом более красноречива и драматична. Я не пытался сравнивать их постранично и потому не могу прокомментировать все изменения (невозможное дело). Повесть и сценарий преднамеренно соединены в этом томе, так что читатель сам может найти различия и оценить качество обоих произведений.

Преобразование прозаического произведения в пьесу подразумевало две важные задачи. Первая являла собой чисто театральное требование пересказать всю историю короче, ограничиваясь только диалогами, произнесенными в ходе сценических эпизодов. Вторая требовала от писателя произвести полную правку текста. С учетом того и другого были произведены существенные изменения. В нескольких пассажах АР, по сути дела, не столько адаптирует или правит текст новеллы, как заново переписывает его или же просто заменяет новым.

Впрочем, существует одно обстоятельство, выходящее за помянутые выше пределы. В третьей главе повести центральным персонажем является Джереми Слайни, невежественный и малограмотный фермер. В сценарии же АР зачеркнула всю эту главу, еще только приступая к написанию пьесы, зачеркнула резкими линиями, означающими полное отвержение. (Мне приходилось видеть подобные росчерки, оставленные ее рукой на моих собственных рукописях.) Исключив, таким образом, Слайни из пьесы, она взяла имя его зятя, прежде являвшегося второстепенным персонажем, и сделала его центральным в эпизоде. В новой своей инкарнации Чак Финк несет идеологическую нагрузку в качестве члена коммунистической партии.

Я не знаю, какие причины побудили АР произвести подобное изменение, однако могу предложить читателю кое-какие догадки. Невежество и диалектизмы в устах Слайни лишили бы его как персонажа достоверности в контексте пьесы, то есть сделали бы его менее убедительным в качестве пораженного конфликтом идеалиста. В этой роли, на мой взгляд, более достоверным выглядит грамотный горожанин. В дополнение Финк вносит в повествование новую версию того порока, который оно осуждает: он предаёт свой идеал из верности не Бэббиту¹ или Богу, но Марксу и его пониманию «общественного блага». Подобный персонаж допускает куда более философский подход к хождению Кей Гонды по мукам, чем стремление Слайни к деньгам. Впрочем, здесь могла действовать еще одна причина: АР могла подумать, что предательство Слайни в отношении Кей могло быть воспринято как подтверждение лозунга, который она презирала, то есть «деньги являются корнем всякого зла». Каковы бы ни были руководившие ею причины, изменение это, однако, дает нам побочную выгоду: Финк предоставляет Рэнд в пьесе прекрасную возможность для сатирических выпадов и таким образом позволяет нам, погруженным в тусклый бытовой контекст, лишний раз улыбнуться, а иногда даже расхохотаться вслух.

Невзирая на то, что АР исключила Слайни из пьесы, я оставил его в повести, поскольку именно так и было в первоначальном наброске. Я сделал это не из-за художественного значения сцены, но потому, что она представляет собой небольшое окошко, позволяющее увидеть АР за работой, окошко, позволяющее нам увидеть ее творческий потенциал даже на самой ранней, не удовлетворившей ее стадии работы, вместе с решимостью вычеркнуть то, что, подобно Риардену, она сочла недостаточно качественным для себя. Конечно, с точки зрения творца, эта новелла может показаться недостаточно выразительной, однако для нас, как мне кажется, ее недостатки не уменьшают достоинств как с точки зрения искусства, так и развлечения.

Я впервые прочел эту новеллу в 1982 году, году смерти АР. До этого о существовании повести мне было неизвестно, хотя с пьесой я был давно знаком. Сидя на складском полу посреди кучи документов АР, я решил бегло ознакомиться с произведением. И, к собствен-

¹ Герой одноименного романа Синклера Льюиса *Бэббит*, впервые опубликованного в 1922 году, представляющего собой сатиру на американскую культуру, общество и образ жизни.

ному удивлению, обнаружил, что захвачен повествованием, полностью захвачен, а подчас даже до слез растроган. Закончив чтение, я расстроился, потому что мне хотелось побольше побыть в мире Кей Гонды. Рукопись, на мой взгляд, была настолько хороша, что ее просто нельзя было скрывать от глаз публики. Наконец, спасибо Ричарду Ролстону, это время пришло.

При жизни автор публикует свои зрелые, завершенные работы. Однако после кончины писателя принято публиковать его не опубликованные при жизни работы, в том числе *juvenilia*, ранние, несовершенные попытки. В особенности это принято в том случае, если он обрел бессмертие в своем деле, и каждое слово, произнесенное им в начале и конце жизни, вызывает самый живой интерес среди читательских масс и постоянно возрастающего числа ученых. Книга, которую вам предстоит прочитать, относится к числу ранних произведений АР, написанных ею еще до тридцатилетия, когда она еще не знала того, что предстояло ей узнать в последующие пять десятков лет. Вот и все, что можно сказать об этой новелле.

Однако хотелось бы знать, сколько зрелых писателей способны поравняться гением с АР или создать вселенную, подобную созданному ей миру, объединяющему в себе логику и страстность. Эта вселенная пусть и в зачаточной форме присутствует в этой книге, а значит, открывается и для нас.

*Леонард Пейкофф
Алисо Вьехо, Калифорния*

Примечание к рукописи *Идеала*

В 2004 году, подготавливая рекомендации в отношении добавления материала в исправленное издание *The Early Ayn Rand* (*Ранние произведения Айн Рэнд*), я просматривал рукопись принадлежащей перу Айн Рэнд короткой новеллы *Идеал*, находящейся в собрании Ayn Rand Archives, но уделил ей лишь самое поверхностное внимание, поскольку пьеса *Идеал* была написана после новеллы. И в связи с тем, что именно на этой медиа-среде остановила в итоге свой выбор Айн Рэнд, в первоначальное собрание была включена одна лишь пьеса.

В 2012 году я (наконец) решил, что новелла заслуживает более пристального внимания. За многие годы я неоднократно слышал от многих читателей Айн Рэнд пожелание найти в архиве ее не известные ранее произведения. И поскольку таковое произведение нашлось, я понял, что к нему следует отнестись внимательно.

Я прочел сценарий в 32 000 слов, подготовленный в 1934 году Rialto Service Bureau, расположенном по адресу: 1501 Broadway, New York City. Он немедленно приковал к себе мое внимание, как бесспорно принадлежащий перу Айн Рэнд. Меня поразило в том числе и дополнительное измерение, которое предлагала прозаическая форма, причем особенно выделились два пункта. Более подробные письма почитателей Кей Гонды в сравнении с их более краткими версиями в пьесе, которые пришлось бы зачитывать на сцене или проектировать на экран, чтобы публика могла прочесть их, нередко сделались трогательными и поясняющими. Более длинный вариант письма Джонни Дауэса, например, позволяет нам глубже понять этого человека и его поступки. Далее, первая глава новеллы, представляющая собой ознакомительный тур по кабинетам и персоналиям Голливуда, не имеет своего соответствия в пьесе. Обе эти подробности существенно обогащают собой контекст мира Кей Гонды в добавление к прочим, столь же просвещающим моментам.

Само по себе интересно, как прозаическая форма демонстрирует восприятие Айн Рэнд фундаментального различия между произведением, написанным для чтения, и произведением, написанным для визуального восприятия. Прозаическая форма, на мой взгляд, допускает большую подробность и ясность. Однако, конечно же, драматическое воздействие произнесенного слова и той нравственной силы, которую оно воплощает, может оказаться более убедительным на сцене.

Поскольку доктор Пейкофф не замечал эту новеллу в течение тридцати лет, благоприятное стечение обстоятельств заставило его уделить ей все свое внимание. Он был рад моему содействию и попросил меня процитировать в этом примечании следующие обращенные тогда им ко мне слова: «Где был бы объективизм без вас, Ричард?»

*Ричард Э. Ралстон, выпускающий редактор
Институт Айн Рэнд*

1

Кей Гонда

«Если это убийство – тогда почему о нем все молчат? Если же нет – тогда почему говорят слишком много? Во время интервью мисс Фредерика Сэйерс не ответила на этот вопрос ни да, ни нет. Она отказалась дать даже самый малейший намек на характер внезапной смерти своего брата. Грантон Сэйерс скончался в Санта-Барбаре в собственном особняке два дня назад, в ночь на 4 мая. Вечером 3 мая Грантон Сэйерс обедал со знаменитой – о, очень знаменитой – кинозвездой. Это все, что нам известно».

«К сожалению, мы не можем предложить вам более подробную информацию, однако можем предложить несколько вопросов, если только они уже не пришли вам в голову. Было бы интересно знать, где находилась эта очаровательная сирена киноэкрана ночью 3 мая после обеда. А также, где она находится с той поры. И если – как полагает мисс Фредерика Сэйерс – здесь не о чем шептаться по углам, откуда берутся эти настойчивые слухи, связывающие некое известное имя со смертью великого на Западе нефтяного короля? Что оставляет мисс Фредерику в положении нефтяной королевы Запада и единственной наследницей миллионов Сэйерса, если таковые существуют».

«Но переменим тему. Многие читатели уже потребовали установить нынешнее место нахождения Кей Гонды. Эта очаровательная леди экрана отсутствует в своем голливудском доме последние два дня, и киношные воротилы отказываются сообщать, где и по какой причине она находится. Некоторые подозрительные личности уже нашептывают, что помянутые воротилы и сами не знают этого».

Редактор отдела местных новостей *Лос-Анджелесского курьера* присел на край стола Ирвинга Понтса... Ирвинг Понтс неизменно улыбался, писал «То да Сё» – ведущую колонку *Курьера* и обладал желудком, вечно протестовавшим против сидячей позы. Редактор отдела новостей перекатил карандаш из правого уголка рта в левый и спросил:

– Скажи честно, Ирв, ты знаешь, где она?

– Можешь поискать у меня в карманах, – предложил Ирвинг Понтс.

– Ее разыскивают?

– Именно так, – проговорил Ирвинг Понтс.

– В Санта-Барбаре ей предъявили обвинение?

– Именно так.

– А что говорят твои друзья в полиции?

– Знание их слов ничем не поможет тебе, – продолжил Ирвинг Понтс, – поскольку ты не сможешь напечатать, куда именно они отправили меня с этим вопросом.

– Ирв, а ты действительно считаешь, что она сделала это? И вообще, за каким чертом ей могло понадобиться убивать его?

– Представления не имею, – отвечал Ирвинг Понтс. – Однако неужели ты считаешь, что все поступки Кей Гонды имеют рациональную причину?

Редактор отдела городских новостей подозвал Моррисона Пиккенса.

Если обратиться к внешности, Моррисон Пиккенс выглядел так, словно во всех длинных и тощих шести футах его тела не было ни единой кости, и только какое-то чудо поддерживало его в вертикальном положении, не позволяя грудкой осесть на собственные ботинки. Сигарета каким-то чудом не выпадала из угла его вялого рта. Наброшенное на плечи пальто самым чудесным образом не сползло вниз по его спине, а козырек кепки ореолом торчал над черепом.

– Прогуляйся до «Фарроу филм студии», – предложил ему редактор отдела, – и посмотри, можно ли там что-то увидеть.

– Кей Гонда? – осведомился Моррисон Пиккенс.

– Кей Гонда, если сможешь что-то выяснить, – ответил редактор отдела новостей. – Если же нет, попробуй разузнать, где она может сейчас находиться.

Чиркнув спичкой о каблук редактора, Моррисон Пиккенс явно передумал, бросил спичку в корзину для бумаг, взял со стола ножницы и с задумчивым видом подравнял ноготь большого пальца.

– Угу, – произнес Моррисон Пиккенс. – А не следует ли мне заодно узнать, кто убил Ротштейна² и существует ли жизнь после смерти?

– Обернись до ленча, – проговорил редактор. – Хотелось бы знать, что и как они там говорят.

И Моррисон Пиккенс отправился на «Фарроу филм студии». Он вел машину по людной улице, между мелкими лавчонками, прожаренными и высушенными солнцем, мимо пыльных окошек, готовых выставить створки из темного и мрачного ряда. За окнами угадывалось все, что нужно человеку, все, ради чего живут люди: строгие платья с бабочками, усыпанными фальшивыми бриллиантами, банки с клубничным вареньем, жестянки с томатами, швабры и сенокосилки, кольдкремы и аспирин, и знаменитое средство от пучения желудка. Мимо шли люди, усталые, торопливые, безразличные, волосы их липли к влажным горячим лбам. И казалось, что величайшее из людских несчастий сопутствует не тем, кто не может войти в магазин и купить необходимое, но тем, кто в состоянии это сделать.

Над сложенным из желтого кирпича фасадом крохотного кинотеатрика, белой маркизой и кругом с броской надписью «15 центов», выведенной на темном, с блестками фоне, высилась картонная фигура женщины. Она стояла, выпрямившись, плечи разведены, стриженные светлые волосы языками огня вздыблены над лбом словно костер, разгоревшийся под напором могучего ветра, – яростное пламя над стройным телом. Бледные прозрачные глаза, крупный рот, наводящий на мысли о рте идола, изображающего некое священное животное. Имени под фигурой не было, однако его и не требовалось, ибо любой прохожий на любой улице мира знал это имя, знал буйные светлые волосы и хрупкое тело. Это была Кей Гонда.

Фигура под скудной одеждой казалась едва одетой, однако люди не замечали этого. Никто не пытался смотреть на нее обыденными глазами, никто не хихикал. Она стояла, запрокинув голову назад, бессильно уронив по бокам руки ладонями вверх, беспомощная и хрупкая, сдающаяся и намекающая на нечто далекое, прячущееся за белой маркизой и крышами, как пламя, качнувшееся под напором незримого ветра, как последняя мольба, поднимающаяся над каждой кровлей, над каждым окном магазина, над каждым усталым сердцем, оставшимся далеко под ее ногами. И минуя кинотеатр, хотя никто этого не делал, каждый испытывал смутное желание приподнять над головой шляпу.

Прошлым вечером Моррисон Пиккенс смотрел одну из ее картин. Полтора часа он провёл в полной неподвижности, и если бы дыхание требовало внимания, наверно, забыл бы дышать. С экрана на него смотрело огромное белое лицо, шевелились губы, которые каждый мечтал поцеловать, и глаза, заставлявшие гадать, с болью гадать о том, что они видят. Ему казалось, будто существовало нечто – в глубинах его мозга, где-то позади всего, что он думал и чем являлся, – чего он не знал, но что было известно ей, и что он хотел знать и не понимал, сможет ли когда-нибудь это сделать, и должен ли он это понять, если способен, и почему хочет именно этого. Он думал, что она просто женщина и актриса, однако думал так только до того, как входил в зрительный зал, и после того, как покидал его; но когда он смотрел на экран, мысли его становились иными; он видел в ней уже не человеческое создание, не еще

² Арнольд Ротштейн – гангстер, предположительно стоявший за организацией мировой серии 1919 года по бейсболу.

одно существо из тех, что постоянно окружали его, но нечто совершенно неведомое и не подлежащее познанию. Когда он смотрел на нее, в душе его возникало чувство вины, однако при этом он как бы становился молодым – чистым... и очень гордым. Глядя на нее, он понимал, почему древние создавали статуи богов по образу человека.

Никто не знал в точности, откуда взялась Кей Гонда. Некоторые утверждали, что помнили ее по Вене, когда ей было шестнадцать и работала она в лавке корсетных дел мастера. Платице на ней было слишком коротко для длинных и тощих ног, бледные и тонкие руки торчали из рукавов. Она двигалась за прилавком с нервической быстротой, заставлявшей клиентов считать, что место этой девчонке в зоопарке, а не в крохотной, пропахшей прошлогоним салом мастерской, за накрахмаленными белыми занавесками. Никто не мог бы назвать ее красавицей. Мужчины не проявляли к ней интереса, а лендледы охотно выставляли ее на улицу в случае опоздания с оплатой. Долгие рабочие дни она проводила, подгоняя корсеты по фигурам заказчиц, тонкие белые пальцы ее затягивали шнурки над тяжелыми складками плоти. Клиентши жаловались на нее и говорили, что от взгляда этой девицы им становится не по себе.

Были и такие, кто помнил ее по простевии двух лет, когда она работала служанкой в пользовавшемся дурной славой отеле, притаившемся в темном венском переулке. Они помнили, как она спускалась по лестнице, сверкая дырками на пятках черных хлопковых чулок, в заношенной, открытой на груди блузке. Мужчины уже пытались заговаривать с ней, однако она не слушала их. А потом однажды ночью прислушалась к голосу высокого мужчины, наделенного жестким ртом и глазами, слишком внимательными для того, чтобы позволить ей быть счастливой; мужчина этот, знаменитый кинорежиссер, явился в отель совсем не для того, чтобы поговорить с этой девушкой. Владелица гостиницы затряслась от возмущения, когда услышала, как та смеется, громко и жестоко, выслушивая слова, которые нашептывал ей мужчина. Впрочем, великий режиссер впоследствии с пеной у рта отрицал эту историю, повествовавшую о том, где именно он отыскал Кей Гонду, свою величайшую звезду.

В Голливуде она носила простые темные платья, пошитые для нее французом, жалованья которого хватило бы на финансирование страховой фирмы. К ее особняку вела длинная галерея беломраморных колонн, а ее дворецкий подавал коктейли в узких и высоких бокалах. Она ходила так, словно бы ковры, лестницы и тротуары тихо и бесшумно сворачивались, стараясь не попасть ей под ноги. Волосы ее никогда не казались причесанными. Она поводила плечами жестом, напоминающим скорее конвульсию, и легкие синеватые тени играли между ее лопатками, когда она бывала в длинных вечерних платьях с открытой спиной. Все ей завидовали. И никто не мог сказать, что она счастлива.

Моррисон Пиккенс спустил на землю длинные ноги с подножки своего открытого двухместного автомобиля и, шаркая ногами, побрел вверх по полированным ступеням, ведущим к приемной «Фарроу филм студияс». Оказавшись внутри, он обратился к сидевшему за столом молодому человеку, розовое и неподвижное лицо которого напоминало замерзший клубничный крем:

– Пиккенс. Из *Курьера*. Хочу встретиться с мистером Фарроу.

– Вам назначено?

– Неа. Но разве это существенно – *сегодня-то*.

И он оказался прав.

– Входите, сэр, – получив ответ от секретарши мистера Фарроу, бодрым тоном проговорил молодой человек, опуская на место трубку.

У мистера Фарроу были три секретарши. Первая, сидевшая за столом возле бронзовой оградки, с ледяной улыбкой распахнула перед ним бронзовую калитку, открывавшую проход под арку, где находился стол с тремя телефонами; вторая секретарша открыла перед ним дверь красного дерева, за которой находилась приемная, и последняя секретарша, поднимаясь перед ним со словами:

– Заходите в кабинет, мистер Пиккенс.

Энтони Фарроу восседал за столом, потерявшимся на фоне просторного белого бального зала. Перечеркнутые переплетами окна поднимались в нем на высоту трех этажей. В нише стояло изображение Мадонны. В другой нише на беломраморном пьедестале расположился огромный хрустальный глобус. С ним соседствовал крытый белым атласом шезлонг, выглядевший так, словно к нему никогда и никто не прикасался; впрочем, так и было на самом деле. Шезлонг являлся предметом мечтаний мистера Фарроу, и поговаривали, что во дни былые он украшал собой будуар императрицы Жозефины.

К каштаново-золотистым остаткам шевелюры на затылке мистера Фарроу прилагались карие с золотым отливом глаза. Костюм его гармонировал с самым темным оттенком его волос, а рубашка – с самым светлым. Проговорив:

– Доброе утро, мистер Пиккенс. Прошу вас, садитесь, – он протянул гостю открытую коробку сигар жестом, вполне достойным наилучшего первого плана в фильме о высшем обществе.

Мистер Пиккенс уселся и принял сигару.

– Вы, конечно же, понимаете, – проговорил мистер Фарроу, – что вся эта история представляет собой самую нелепую чушь.

– То есть? – переспросил Моррисон Пиккенс.

– Сплетня, которой я обязан вашим визитом. Чушь, которую рассказывают о мисс Гонде.

– О, – произнес Моррисон Пиккенс.

– Мой дорогой друг, вы должны понимать, насколько смехотворна эта нелепая выдумка. И я надеюсь, что ваша газета, ваша достойная уважения газета, поможет нам предотвратить распространение этих полностью ни на чем не основанных слухов.

– Это очень легко сделать, мистер Фарроу. Все в ваших руках. Конечно, слухи ни на чем не основаны, и вам прекрасно известно, где находится сейчас Гонда, так ведь?

– Давайте ненадолго обратимся к этой безумной истории, мистер Пиккенс. Грантон Сэйерс... ну, вы ведь знаете Грантона Сэйерса. Это дурак, если вы разрешите так выразиться, дурак, но пользующийся репутацией гения, как всегда бывает с дураками, не так ли? Три года назад у него было пятьдесят миллионов. А сколько сегодня? Никто не знает... Быть может, всего пятьдесят тысяч долларов... или пятьдесят центов. Ну и хрустальный плавательный бассейн, и греческий храм в собственном саду. Ах, да, еще и Кей Гонда. Дорогая, хотя и небольшая игрушка или произведение искусства – это как посмотреть на Кей Гонду, то есть два года назад. Но не сегодня. О нет, не сегодня. Мне точно известно, что она не встречалась с Сэйерсом больше года до этого самого обеда в Санта-Барбаре, о котором теперь все твердят.

– Так, значит, никакой романтики? И целая пропасть между ними?

– Глубокая и холодная, мистер Пиккенс.

– Вы уверены?

– Безусловно, мистер Пиккенс.

– Но, быть может, они когда-то поссорились, и эта ссора...

– Никаких ссор, мистер Пиккенс. Никаких. Насколько мне известно, он три раза делал ей предложение. И она могла получить его вместе с греческим храмом, нефтяными скважинами по первому же желанию. Зачем ей в подобной ситуации убивать его?

– Но зачем тогда она решила скрыться от глаз общества?

– Мистер Пиккенс, позвольте мне изменить нормальный ход интервью и задать вопрос уже вам?

– Конечно, мистер Фарроу.

– Какой... кто, скажите на милость, пустил этот слух?

– А это, – ответил Моррисон Пиккенс, – я рассчитывал узнать от вас, мистер Фарроу.

– Говорю вам, мистер Пиккенс, это нелепо, это хуже, чем нелепо. Это ужасно... Намеки, шепотки, расспросы. По всему городу. Если бы я мог усмотреть в этом какой-нибудь смысл, то сказал бы, что кто-то распространяет этот слух преднамеренно.

– Но у кого может быть причина для этого?

– В том-то и дело, мистер Пиккенс. Ни у кого. У мисс Гонды на всем свете нет ни одного врага.

– А есть ли у нее друзья?

– Ну, конечно же, конечно... впрочем, нет, – вдруг проговорил мистер Фарроу голосом, в котором чувствовалось искреннее удивление собственными словами, – нет, у нее нет друзей.

Он посмотрел на Моррисона Пиккенса неподдельно беспомощным взглядом.

– Но почему вы спросили об этом?

– А почему вы так отвечаете? – ответил вопросом Моррисон Пиккенс.

– Я... сам не знаю, – признался мистер Фарроу. – Наверно, потому что прежде не задумывался об этом. Просто мне как-то вдруг стало понятно, что на всем белом свете у нее нет ни единого друга. Если не считать Мика Уоттса, которого никак нельзя назвать чьим-либо другом. Ну, ладно, – продолжил он, передернув плечами, – быть может, это вполне естественно. Кто способен представить, что можно дружить с подобной женщиной? Она смотрит на тебя, но так, словно не видит вообще. Она видит нечто другое. И никто не может сказать, что именно. Она говорит с тобой – когда это случается, что бывает не часто, – а ты совершенно не понимаешь, что она думает. Иногда я не сомневаюсь – она уверена в том, что мы неспособны мыслить. Вещи значат для нее нечто совсем другое, чем для всех нас. Но что они значат и что подразумевает она... кто может сказать? И по совести говоря, кого это интересует?

– Примерно семьдесят миллионов людей, если судить по отчетам вашей билетной кассы.

– Ну, это да. Что в конечном счете и имеет значение. Они почитают ее, эти миллионы. Но в их чувстве нет восхищения. В нем нет преклонения поклонников. В нем скрыто нечто большее. Они боготворят ее. Не знаю, что и каким образом Кей Гонда проделывает над людьми, но она непонятным для меня способом добивается этого.

– А как ее поклонники отреагируют на... убийство?

– Но это же нелепо, мистер Пиккенс. Это невозможно. Разве можно хотя бы на миг поверить в то, что она способна на убийство?

– Никто не стал бы обращать внимание на эту новость, если бы мисс Гонда не исчезла.

– Однако, мистер Пиккенс, она никуда не исчезала.

– Так где же она?

– Мисс Гонда всегда предпочитает быть в одиночестве, когда готовится к съемкам нового фильма. Она сейчас находится в одном из своих пляжных домиков, вживается в новую роль.

– Где же?

– Простите, мистер Пиккенс, но мы не можем позволить, чтобы ее беспокоили.

– А если мы попытаемся найти ее. Будете ли вы препятствовать нам?

– Конечно же, нет, мистер Пиккенс. Мы не имеем даже малейшего намерения препятствовать прессе.

Моррисон Пиккенс поднялся и сказал:

– Вот и отлично, мистер Фарроу. Мы попробуем.

Мистер Фарроу тоже встал и сказал:

– Вот и отлично, мистер Пиккенс. Желаю удачи.

Моррисон Пиккенс был уже у двери, когда мистер Фарроу добавил:

– Кстати, мистер Пиккенс, если вам повезет, будьте так любезны, дайте нам знать? Понимаете ли, мы не хотим, чтобы нашу великую кинозвезду беспокоили, и...

– Понимаю, – ответил Моррисон Пиккенс, выходя из кабинета.

В приемной мистера Сола Зальцера, помощника продюсера, нервический секретарь мужского пола вспорхнул на ноги и запричитал:

– Но мистер Зальцер занят. Мистер Зальцер очень, очень занят. Мистер Зальцер находится в...

– Скажите ему, что это *Курьер*, – объявил Моррисон Пиккенс. – Возможно, в таком случае он найдет пару минут для нас.

Секретарь порхнул за высокую белую дверь и немедленно выпрыгнул из-за нее наружу, оставив створку открытой, и приветливо зачирикал:

– Входите же, мистер Пиккенс, входите же.

Мистер Зальцер расхаживал по просторному кабинету, украшенному порттьерами из сиреневого бархата, портретами цветов и скотч-терьеров.

– Садитесь, – предложил он, не посмотрев на мистера Пиккенса, и продолжил свое шествие.

Моррисон Пиккенс сел.

Мистер Зальцер расхаживал, заложив руки за спину, в костюме синевато-стального цвета и при булавке с бриллиантом для галстука. Курчавые волосы сходились узким треугольничком на середине его белого лба. Проществовав туда и обратно три раза, он рывкнул:

– Но это сущая чушь!

– Что именно? – спросил Моррисон Пиккенс.

– То, что вы хотите узнать. То, что вы, ребята, попусту тратя время, высасываете из пальца, а потом печатаете, потому как ничего лучшего не находится!

– Вы имеете в виду мисс Гонду?

– Да, я имею в виду мисс Гонду! И говорю только о ней и ни о ком другом! Я не стал бы тратить свое время на вас, если бы речь не шла о мисс Гонде! О, если бы только мы никогда не связывались с ней! Ничего, кроме головной боли, с тех пор, как она вышла на экран!

– Ладно вам, мистер Зальцер. Вы выпускали все ее ленты. И не могли не заметить в ней чего-то особенного.

– Вы о трех миллионах зеленых наличными за каждую картину? Их я вижу! Но действуйте, предложите мне лучшую причину.

– Ну, тогда поговорим о вашем следующем фильме.

– Что можно о нем сказать? Это будет самая лучшая, величайшая, – на этом слове мистер Зальцер остановился возле стола, чтобы стукнуть по нему кулаком, – и самая дорогая кинокартина, которую вам доведется видеть в своей жизни! Можете написать это в своей газете!

– Отлично, не сомневаюсь, что наши читатели будут рады узнать это. Кстати, им будет приятно узнать и ее... дату выхода на экраны.

– Послушайте, – сказал мистер Зальцер, останавливаясь на месте. – Это же чистая хрень! Чистая хрень, к чему вы ведете! Потому что она никуда не исчезала!

– Я этого не говорил.

– Ну, так и не говорите впредь! Потому что нам известно, где она находится, понятно?

– Я вовсе не намеревался задавать вам этот вопрос. Я собирался только спросить, подписала ли мисс Гонда новый контракт с вашей компанией?

– Подписала, не сомневайтесь. Конечно, подписала. Практически подписала. Словом, почти подписала.

– Значит, все-таки не подписала?

– Она намеревалась подписать его именно сегодня. То есть я хотел сказать, что она собирается сегодня подписать его. Она согласна. Все вопросы улажены... Ладно, скажу вам честно, – вдруг проговорил мистер Зальцер с ноткой такого личного отчаяния, которое на киноэкране покорило бы любого зрителя. – То, чего я боюсь, все это по поводу контракта, вот так. Она могла опять передумать, могла оставить нас в дураках.

– Но, быть может, это просто поза, мистер Зальцер? Подобные речи мы слышим от нее после каждой новой ленты.

– Ага? Посмотрел бы я на то, как вы посмеялись бы, два месяца поползав за ней на коленях, как пришлось ползать нам. «Я закончила сниматься в кино, вот что она говорит. – И этот сценарий, зачем и кому он нужен? Стоит ли снимать по нему фильм?» Нет! Мы предлагаем ей пятнадцать тысяч долларов за неделю, и она еще говорит, стоит ли этот фильм труда?

– Значит, вы думаете, что на сей раз она сбежала от вас? И вы не знаете, куда она ушла?

– Не люблю я вас, газетчиков, – с разочарованием проговорил мистер Зальцер. – И вот почему я никогда вас не любил: я открываю вам душу, делюсь всеми сокровенными переживаниями, а вы снова заводите свою прежнюю баланду.

– Так вы не знаете, где она сейчас находится?

– О боже, какая фигня! Мы знаем, где она. У своей тетки, старухи тетки из Европы, больной тетки... она отправилась в пустыню погостить у нее на проклятом ранчо. Понятно?

– Угу, – молвил Моррисон Пиккенс, вставая. – Конечно, понятно.

Ему не нужно было предупреждать о своем приходе Клер Пимоллер, звезду «Фарроу филмс», писавшую сценарии всех фильмов Кей Гонды. Он просто вошел к ней. Клер Пимоллер всегда была рада прибытию представителя прессы. В данный момент она восседала на длинном и невысоком диване в стиле модерн.

Место, на коем она сидела, не озарили своими лучами никакие театральные прожектора; однако казалось, что она находится на освещенной сцене. Одежда ее обладала гармоничной элегантностью современной стеклянной утвари, подвесных мостов, трансатлантических гидросамолетов. Она казалась последним словом великой цивилизации – строгим, чистым, мудрым, обращенным, пожалуй, к самым тончайшим... глубочайшим проблемам жизни. Однако на диване восседала только плоть Клер Пимоллер; душа ее обреталась на стенах собственного кабинета, заклеенных увеличенными фотографиями иллюстраций из ее журналов. На снимках этих нежные девы обнимали крепких и надежных молодых людей, младенцы взирали на заботливые родительские руки, изымавшие их из колыбели, а лики старых леди могли бы подсластить чашку самого крепкого черного кофе.

– Мистер Пиккенс, – молвила Клер Пимоллер, – невероятно рада видеть вас. Чудесно, просто великолепно, что вы заглянули ко мне. У меня есть для вас очень занимательная история. Я как раз думала, что общество никогда на самом деле не понимало психологического влияния тех мелких моментов, происшедших в детстве писательницы, которые в итоге определили ее будущую карьеру. То есть мелочей... Понимаете ли, мелочи – вот что по-настоящему существенно в жизни. Например, когда мне было семь лет, помню, однажды я увидела бабочку с поломанным крылышком, и это заставило меня подумать о...

– Кей Гонде? – вставил Моррисон Пиккенс.

– Ох, – проговорила Клер Пимоллер, прежде чем поджать тонкие губы. А потом снова шевельнула ими и произнесла: – Так вот по какому поводу вы явились ко мне...

– Я бы сказал, мисс Пимоллер, что вы должны были бы догадаться об этом... сегодня-то.

– А вот и не догадалась, – проговорила Клер Пимоллер. – Никогда не считала, что мисс Кей Гонда является единственной интересной темой на свете.

– Я только хотел спросить у вас, что вы думаете обо всех этих слухах по поводу мисс Гонды.

– Ни на минуту не задумывалась об этом. Мое время слишком дорого стоит.

– А когда вы видели ее в последний раз?

– Два дня назад.

– А случайно не третьего мая?

– Да, именно третьего мая.

– Но быть может, вы заметили нечто особенное в ее поведении?

– А когда в ее поведении не было чего-то особенного?

– А не хотите ли рассказать мне о вашей встрече?

– И в самом деле хочу. А кто не захотел бы на моем месте? В тот день я проехала за рулем весь путь до ее дома, чтобы обсудить наш новый сценарий. Очаровательная история, очаровательная! Я говорила и говорила, час за часом. А она сидела как изваяние. Не то чтобы слова, звука не произнесла. Повседневности, обыденного, простоты... вот чего в ней нет. И тонких чувств. Никаких! Никакого внутреннего ощущения великого братства людей. Никакого...

– А не показалась ли она вам озабоченной или встревоженной?

– Вот что, мистер Пиккенс, у меня много более интересных дел, чем размышлять над настроениями мисс Гонды. Могу сказать вам одно, она не позволила мне включить в сценарий младенца или собачку. Песики такие трогательные. Знаете ли, все мы братья, если копнуть под кожей и...

– А она не упоминала, что вечером собирается отправиться в Санта-Барбару?

– Она ничего не упоминает. Она окатывает тебя своими словами как из ведра. Она просто встала посреди предложения и оставила меня с открытым ртом. Сказала, что ей нужно переодеться, потому что она обедает в Санта-Барбаре. А после добавила: «Терпеть не могу благотворительные миссии».

– И что она подразумевала под этими словами?

– А что она подразумевает под любыми словами? Благотворительный – только представьте себе! – обед с мультимиллионером. Тут уж я не утерпела, не могла утерпеть! И сказала ей: «Мисс Гонда, неужели вы и впрямь считаете себя лучше всех остальных людей?» И знаете, что она ответила? «Да, – сказала она, – я так считаю. И мне хотелось бы, чтобы у меня были основания думать иначе». Подумайте только!

– Ничего больше она не говорила?

– Нет. Я отношусь к числу тех людей, которые просто не понимают тщеславия. Посему я даже не подумала продолжать разговор. И не имею ни малейшего желания продолжать его сейчас. Простите, мистер Пиккенс, но эта тема совсем не интересует меня.

– А вам известно, где сейчас находится мисс Гонда?

– Не имею ни малейшего представления.

– Но если с ней что-то случилось...

– Тогда я попрошу передать роль Салли Суини³. Я всегда хотела писать для Салли. Она – такая милая девочка. А теперь вам придется извинить меня, мистер Пиккенс. Я очень занята.

Билл Макнитт заседал в грязном кабинете, в котором откровенно разило бильярдной: стены его были оклеены афишами картин Гонды, которые он ставил. Билл Макнитт гордился собой как гением и как мужчиной: если люди хотят видеть его, то вполне могут посидеть между окурков сигар и возле плевательницы. Он сидел, откинувшись на спинку вращающегося кресла, положив ноги на стол, и курил. Рукава его рубашки были закатаны выше локтя, открывая крупные волосатые руки. Заметив вошедшего Моррисона Пиккенса, он помахал ему громадной лапой, на корявом пальце которой колечком свернулась золотая змейка.

– Выкладывай, – объявил Билл Макнитт.

– Собственно, – отвечал Моррисон Пиккенс, – выкладывать мне нечего.

– Мне тоже, – сказал Билл Макнитт, – так что проваливай.

– Не похоже, чтобы ты был очень занят, – проговорил Моррисон Пиккенс, удобно устроившись на брезентовом табурете.

³ В характерной для себя манере АР вставляет значащее имя. Sweeney = Свинья, Поросенкова.

– Я не занят. Только не спрашивай, почему. По той же самой причине, которая не дает покоя тебе.

– Полагаю, что ты имеешь в виду мисс Кей Гонду.

– С чего это ты решил предполагать, поскольку прекрасно знаешь причину. Только это тебе здесь ничем не поможет, потому что ты не сумеешь ничего выудить из меня. В любом случае я никогда не хотел с ней работать. Я бы решительным образом предпочел Джоан Тюдор. Я бы предпочел...

– В чем дело, Билл? Ты поссорился с Гондой?

– Слушай. Я расскажу тебе все, что знаю. А потом проваливай, ладно? На прошлой неделе, значит, еду я к ее пляжному домику, а она там, в море, носится между скалами на моторке... пока я наблюдал за ней, чуть сердце не лопнуло. Ну вот, наконец, она поднимается от воды по дороге, мокрая насквозь. Ну, я и говорю ей: «Однажды вы так убьетесь», а она смотрит на меня, смотрит и говорит: «Мне это, собственно, безразлично, говорит, и не только мне одной, но и всем на свете».

– Она так сказала?

– Так и сказала. «Послушайте, говорю, если вы сломаете здесь шею, я и пальцем не пошевелю, но вы точно схлопочете пневмонию ровно посреди моей будущей картины!» Тут она смотрит на меня, странно так смотрит, как у нее в обычае, и говорит: «А может быть, новой картины не будет». И топает прямо к своему дому, а меня останавливает лакей!

– Она, действительно, так сказала? На прошлой неделе?

– Сказала. Ну, я бы беспокоился. Вот и все. А теперь вали отсюда.

– Слушай, я хотел спросить тебя...

– Не спрашивай меня о том, где она сейчас! Потому что я этого не знаю! Понятно? И, более того, большим боссам об этом тоже ничего не известно, только они помалкивают об этом! Почему, по-твоему, я сижу здесь и кормлю мух за три штуки баксов в неделю? Или ты думаешь, что они не отправили бы за ней пожарную команду, если только знали бы, где искать ее?

– Ну а если попробовать догадаться.

– Я не занимаюсь догадками. Я вообще ничего о ней не знаю. И не хочу ничего знать об этой женщине. Я к ней и близко не подошел бы, если бы по какой-то дурацкой причине простак не были готовы расстаться с деньгами ради того, чтобы посмотреть на ее набеленную рожу!

– Ну, эти твои слова мне не удастся процитировать в газете.

– Мне нет дела до того, что ты там цитируешь. Мне нет дела до того, что ты будешь делать, когда умотаешь отсюда в...

– Сначала в отдел рекламы, – проговорил Моррисон Пиккенс, вставая.

В отделе рекламы по плечу Моррисона Пиккенса похлопали четыре разные руки, четыре лица посмотрели на него пустыми, но ласковыми глазами, так как если бы никогда прежде на слыхали имени Кей Гонда, но все-таки с большим трудом припомнили его, а припомнив, поняли, что ничего о ней не знают, кроме самого имени. И лишь одно лицо, пятое, склонилось к уху Моррисона Пиккенс и шепнуло:

– Приятель, нам ничего не известно. Не положено знать. Но даже если бы было положено, мы все равно ничего не знали бы. Помочь тебе может только один человек. Может помочь, но на это заранее не рассчитывай. Ступай-ка к Мику Уоттсу. Уверен в том, что этот бездельник кое-что знает.

– С чего бы вдруг? Кстати, он трезвый?

– Нет. Пьянее обычного.

Мик Уоттс исполнял обязанности личного агента Кей Гонды. Его успели уволить из каждой студии Голливуда, из каждой газеты на обоих берегах континента и из многих газет между этими двумя берегами. Однако Кей Гонда взяла его в фирму Фарроу. Там ему платили большие деньги и не возражали против его персоны, как не возражали против появления датского дога Кей Гонды на любимом шезлонге Энтони Фарроу и императрицы Жозефины.

У Мика Уоттса были светлые волосы с платиновым оттенком, лицо убийцы и голубые младенческие глаза. Он сидел в своем офисе, уронив голову на лежавшие на столе руки. Когда Моррисон Пиккенс вошел, он посмотрел на него кристально чистыми голубыми глазами, однако Пиккенс понимал, что они ничего не видят, ибо из-под стола выглядывали две пустые бутылки.

– Отличная сегодня погодка, Мик, – предложил тему Моррисон Пиккенс.

Мик Уоттс кивнул и ничего не сказал.

– Отличная и жаркая, – продолжил Моррисон Пиккенс. – Жуткая сегодня жара. Что, если мы с тобой сегодня сползаем в каптерку за чем-нибудь жидким и холодным?

– Я ничего не знаю, – отреагировал Мик Уоттс. – Побереги свои деньги. Уматывай.

– О чем ты говоришь, Мик?

– Ни о чем, совершенно ни о чем, и это относится вообще ко всему.

Моррисон Пиккенс заметил вставленный в пишущую машинку листок пресс-релиза, который сочинял Мик Уоттс. И не веря своим глазам, прочитал: «Кей Гонда не готовит на себя и не вяжет себе штанишки. Она не играет в гольф, она не призирает младенцев, не жертвует на жизнь госпиталям для бездомных лошадей. Она не чтит старость своей старой доброй матушки, потому что у нее *нет* никакой старой доброй матушки. Она не похожа на нас с вами. Она никогда не была похожа на нас с вами. Она не похожа на все, что знакомо вам, говнюки».

Моррисон Пиккенс укоризненно покачал головой. Мик Уоттс явно не возражал против того, чтобы он прочел эти строчки. Мик Уоттс оставался на месте и рассматривал стену таким взглядом, словно успел забыть о самом существовании Пиккенса.

– Вот что, Мик, тебе, по-моему, уже пора снова выпить... а?.. как ты на это посмотришь, Мик? – проговорил Моррисон Пиккенс. – Вижу, тебе хочется.

– Я ничего не знаю о Кей Гонде, – произнес Мик Уоттс. – Я никогда не слышал о ней... Кей Гонда. Забавное имя, правда? И что в нем? Однажды я ходил к исповеди, давно... очень давно... и там говорили об искуплении всех грехов. Смешное дело, крикни «Кей Гонда» и думай, что твои грехи омыты. Заплатишь четвертак за место на балконе – и выходишь чистый как снег.

– Впрочем, если хорошенько подумать, Мик, – проговорил Моррисон Пиккенс, – я больше не буду предлагать тебе выпить. Давай лучше перекусим.

– Я не голоден и про голод забыл много лет назад. Но она голодна.

– Кто? – немедленно спросил Моррисон Пиккенс.

– Кей Гонда, – ответил Мик Уоттс.

– А ты знаешь, где она теперь собирается есть?

– На небе, – ответил Мик Уоттс. – На синем небе посреди белых лилий. Очень белых лилий. Только она туда не попадет.

– Не понимаю тебя, Мик. О чем ты на этот раз?

– Не понимаешь? Она тоже не понимает. Только все это бесполезно. Бесполезно даже пытаться распутать этот клубок, потому что как только начинаешь его мотать, немедленно оказывается, что на руках твоих больше грязи, чем ты в состоянии стереть. Во всем мире не хватит полотенец, чтобы стереть ее. Не хватит, понимаешь. В этом и вся беда.

– Ладно, забегу к тебе в следующий раз, – проговорил Моррисон Пиккенс.

Поднявшись, Мик Уоттс пошатнулся, выудил бутылку из-под стола, основательно приложился к ней, и, снова выпрямившись в полный рост, поднял сосуд к потолку, и, покачиваясь на ногах, торжественным тоном произнес:

– Великий поиск. Поиск не имеющих надежды. Почему не имеющие надежды всегда хотят надеяться? Почему нам нужна эта самая надежда, если нам становится лучше, когда мы даже не подозреваем, что ее можно обрести? Почему она делает это? Почему ей нужно причинять себе боль?

– До свидания, – распрощался Моррисон Пиккенс.

В последнюю очередь Моррисон Пиккенс на своем пути посетил костюмерную Кей Гонды. Ее секретарша, мисс Терренс, как обычно, находилась в приемной. Мисс Терренс не имела никаких известий от Кей Гонды уже два дня, однако каждый день являлась в костюмерную в точности в девять утра и просиживала за безупречным стеклянным столом до шести вечера. Мисс Терренс была в черном платье с ослепительно белым воротником. На носу ее сидели квадратные, без оправы очки, отлакированные ногти отливали розовым перламутром.

Мисс Терренс ничего не знала об исчезновении мисс Гонды. Она не видела ее с тех пор, как мисс Гонда два дня назад отправилась в Санта-Барбару. Однако она предполагала, что после того обеда мисс Гонда возвратилась в студию, скорее всего уже ночью. Ибо когда она, мисс Терренс, вошла в костюмерную на следующий день, то заметила, что из разложенной веером корреспонденции мисс Гонды исчезли шесть писем.

2

Джордж С. Перкинс

«Дорогая мисс Гонда!

Не скажу, что я являюсь постоянным посетителем кинематографа, однако ни одной вашей картины я пока не пропустил. И я даже не могу сказать, что так уж люблю ваши фильмы. Например, комедии с Вилли Вуки нравятся мне куда больше. Однако в вас есть нечто такое, что я непременно должен видеть. Иногда мне кажется, что в тот день, когда я перестану хотеть видеть это... в тот день я пойму, что более не живу на свете. Это нечто такое, чему я не могу даже дать имени, нечто такое, что у меня было, и я потерял его, но вы храните его для меня, храните для всех нас. Оно было у меня давным-давно, еще в детстве. Вам известно, как это бывает: когда ты очень молод, впереди тебя ждет нечто, настолько огромное, что ты боишься его, боишься, но ждешь, и оттого так счастлив. Но годы проходят, и оно так и не приходит. А потом ты однажды вдруг обнаруживаешь, что больше ничего не ждешь. Тобой овладевает печаль, и это глупо, потому что ты даже не представлял, чего именно ждешь. Я гляжу на себя и не знаю. Но когда смотрю на вас, знание возвращается.

И подчас я думаю, что, если бы каким-то чудом подобное вам существо вдруг объявилось бы в моей жизни, я бросил бы все, последовал бы за вами и с радостью положил бы свою жизнь к вашим ногам, ибо, понимаете ли, я еще остаюсь человеком.

Подлинно ваш,
Джордж С. Перкинс
Саут-Гувер-стрит,
Лос-Анджелес, Калифорния».

Днем 5 мая Джорджа С. Перкинса повысили в должности. Его возвели в сан помощника директора консервной компании «Нарцисс». Босс вызвал его в свой кабинет, чтобы поздравить, и сказал:

– Если кто-то когда-то и где-то заслуживал повышения, так это ты, ДжиЭс.

Джордж С. Перкинс расправил свой вязаный галстук в зеленую и синюю полоску, моргнул, кашлянул и ответил:

– Спасибо за честь, доверие оправдаю.

На что босс проговорил:

– Кто бы сомневался, старина. А как насчет порции декокта по такому случаю?

Джордж С. Перкинс проговорил:

– Не имею никаких возражений.

Босс наполнил два бокала с красными кромками и забавными черными фигурками пьянчуг, цепляющихся за фонарные столбы. Джордж С. Перкинс поднялся, принимая бокал, поднялся и босс, и они чокнулись через стол.

– Ну, за твое, – молвил босс.

– Не сглазь, – ответил Джордж С. Перкинс.

Они опорожнили бокалы, и босс продолжил:

– Наверняка ты хочешь скорее попасть домой и рассказать новость своей малышке.

– Миссис Перкинс будет очень благодарна, так же, как и я, – проговорил Джордж С. Перкинс.

За дверями кабинета босса менеджер по рекламе – остряк по природе – загнул колечком жидкую светлую прядку посреди скальпа Джорджа С. Перкинса со словами:

– Всегда знал, что ты у нас такой способный, старина, старина, старина.

Джордж С. Перкинс уселся за стол, чтобы закончить свое дневное задание. Последние двадцать лет он проводил за этим столом каждый рабочий день. Он знал его крышку от каждой прожилки старого дерева до обугленного пятнышка, которое некогда оставила на поверхности беспечно брошенная кем-то сигарета. Он так и не заметил, как и когда с широкой поверхности исчез яркий блеск, как скрестились на ней длинные серые полосы. Не заметил он, и как залегли между его пальцами мелкие морщинки; ведь ладони его оставались прежними, белыми, мягкими, с пальцами слишком короткими для тела, а когда он сжимал их в беспомощные небольшие кулаки, на запястьях залегали мягкие, как у младенца, похожие на браслеты складочки.

Лицо его не переменялось, кабинет не изменился, все вокруг оставалось неотвратимо знакомым, подобно чертам его собственного лица. Ножки шкафа с необходимыми документами успели глубоко врасти в ковер, который солнце опалило и сделало сероватым, оставив более насыщенное коричневое пятно под шкафом. Джордж С. Перкинс сидел на своем месте, когда в доме его ожидала невеста, сидел, когда торговец подержанными автомобилями ожидал его в своей конторе с первым в его жизни автомобилем, сидел, пока его жена в госпитале ожидала новую жизнь, уже готовую присоединиться к их собственным. И смотрел – с надеждой, с горечью, с радостью, с усталостью в одно и то же, находящееся рядом с акварелью пятнышко – серое, похожее на кролика с округлым рыльцем и одним длинным ухом.

На полке возле окна выстроились ряды жестяных банок с яркими, зелеными, красными, розовыми этикетками, постепенно выцветавшими до одного пыльно-желтого колера: грушевое и яблочное повидло, рубленое мясо и лососина. Строй их напоминал прямую неподвижную решетку. Иногда ему в голову приходила дурацкая мысль: что будет, если эта решетка перекроет окно? Однако банки с лососиной ему нравились, потому что он сам предложил рисовавшему этикетку художнику изобразить на ней пучок зеленой петрушки возле сочного розового куска рыбы на белой тарелке, на что тот ответил:

– Прекрасная идея, мистер Перкинс. Именно то, что надо. Взывает к чувству прекрасного.

За окном до самого горизонта тянулся бесконечный лес крыш и печных труб. Небо позади крыш обретало цвет грязновато-бурый со слабым красноватым оттенком, какой бывает в кухонной миске после мытья посуды, в которой подавали свеклу. Однако на общем коричневатом фоне присутствовало и несколько розовых пятнышек, нежным отливом напоминавших весенний яблоневоый цвет. Джордж С. Перкинс еще помнил, что много лет назад в этот час наблюдал розовое пятно за карнизом высокого старого дома и невольно гадал о том, что находится там, за домом, и еще дальше, за розовым пятном, в каких-то неведомых странах, где солнце еще только что встает, и что могло бы случиться с ним в неведомой дали, куда он непременно попадет однажды. Впрочем, воспоминание это много лет не приходило к нему, а старый дом скрылся за огромным черным небоскребом, на крыше которого выставили рекламный знак фирмы «Моторные масла “Торнадо”», путаным металлическим силуэтом вырисовавшийся на фоне заката.

Джордж С. Перкинс взял два письма из недавней почты... первое было из знаменитого гольф-клуба, с приложенным конвертом для вступительного взноса, а другое – от дорогого портного. Адрес портного он обвел красным карандашом. «Надо бы поискать хороший спортивный зал, – подумал он, – пора что-то делать с этим брюшком, которое испортит самый лучший костюм, брюшком, еще не внушительным, но все-таки проступавшим».

За окном зажглась вывеска «Моторные масла “Торнадо”», огромные литеры вспыхивали и гасли, густые капли, очеркнутые желтыми неоновыми трубками, судорожно стекали из длинной масленки в подставленное ведро. Джордж С. Перкинс поднялся и запер свой стол, насви-

стывая мотивчик из музыкальной комедии, который подхватил в Нью-Йорке во время своего медового месяца. Менеджер по рекламе промолвил:

– Ну-ну!

Джордж С. Перкинс ехал домой, насвистывая за рулем «Там за морем»⁴. Вечер выдался прохладным, в гостиной огонь плясал в электрокаmine над псевдополеньями. В комнате пахло лавандой и фритюром. На каминной доске горела лампа, составленная из двух огромных игральные костей и абажура, украшенного этикетками старинных марок виски.

– Ты сегодня поздно, – заметила миссис Перкинс.

Она была в халате из коричневого крепдешина, скреплявшемся на груди брошкой с большим фальшивым бриллиантом, постоянно расстегивавшейся, открывая розовое белье, дополняли наряд темно-серые толстые домашние чулки и коричневые удобные туфли. Лицом она напоминала птицу... птицу, старящуюся, неторопливо подсыхая на солнце. И ногти ее были подстрижены очень коротко.

– Ну, голубка моя, – бодрым тоном заговорил Джордж С. Перкинс. – На сегодня у меня отличная причина для опоздания.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответила миссис Перкинс, – лучше послушай меня, Джордж Перкинс, тебе надо заняться своим Джорджем-младшим. Этот юноша опять притащил из школы пару по арифметике. Как я и всегда говорила, если отец не проявляет должного интереса к своим детям, чего можно ждать от мальчика, который...

– Вот что, моя дорогая, забудем пока о парне, чтобы отпраздновать...

– Что отпраздновать?

– А не понравилось бы тебе стать супругой помощника директора консервной компании «Нарцисс»?

– Понравилось бы и даже очень, – ответила миссис Перкинс. – Однако на это я уже и не надеюсь.

– Так вот, моя дорогая, ты уже являешься ею. С сегодняшнего числа.

– Ох, – восхитилась миссис Перкинс. – Мама! Иди сюда!

Явилась миссис Шлай, теща мистера Перкинса, в просторном платье из шелковой набойки с голубыми ромашками и колибри на белом фоне, с ниткой искусственного жемчуга на шее и в сетке, прикрывавшей густые седеющие светлые волосы.

– Мама, – проговорила миссис Перкинс, – Джорджи получил повышение.

– Что ж, – произнесла миссис Шлай, – как долго мы ждали этого.

– Но вы не поняли, – беспомощно моргнул Джордж С. Перкинс, – меня назначили заместителем директора... – он поискал реакцию в их глазах, однако таковой не обнаружил и, запнувшись, добавил: – Всей консервной компании «Нарцисс».

– Ну и? – спросила миссис Шлай.

– Розы, – проговорил он мягким голосом, посмотрев на свою жену, – я работал ради этого целых двадцать лет.

– Этим, мой мальчик, – заметила миссис Шлай, – бахвалиться нечего.

– Но я сделал это... Двадцать лет, это же так долго... целых двадцать лет. Нетрудно устать. Но теперь... Розы, теперь мы можем расслабиться... почувствовать себя светло и непринужденно. – В голосе его на мгновение проступил молодой пыл. – Понимаешь, светло... – пыл проступил и скончался. Перкинс добавил виноватым голосом: – То есть легко, я хотел сказать.

– О чем ты говоришь? – спросила миссис Перкинс.

– Голубка моя, я тут вроде как начал... планировать... думал, вот, по дороге домой... я уже давно думал, ночами, понимаешь ли... строил планы...

⁴ Написанная в 1917 году песня «Over There» пользовалась популярностью в США в обеих Мировых войнах, призывая молодежь служить в армии и сражаться с «гуннами».

– В самом деле? И не посвятил свою жену ни в один из них?

– Ну, я... это были вроде как пустые мечтания... и ты могла решить, что я размечтался... могла подумать, что я... несчастен... но это совсем не так... сама знаешь, как обстоит дело: работаешь, работаешь весь день напролет, и все идет как надо, а потом вдруг ни с того ни с сего ты ощущаешь, что не выдержишь ни одной минуты подобной жизни. Но потом это проходит. Всегда проходит.

– Уверяю тебя, – заявила миссис Перкинс, – никогда не слышала ничего похожего.

– Ну, я просто подумал...

– Перестань думать сию же минуту, – проговорила миссис Шлай, – или от жаркого останутся одни угольки.

За обеденным столом, когда служанка подала жареную баранью ногу под мятным соусом, Джордж С. Перкинс произнес:

– Вот о чем я думал, голубка...

– Во-первых, – перебила его миссис Перкинс, – нам нужно купить новый «Фриджидэр»⁵. У нашего старого еще тот видок. Ледники теперь никто не использует. А вот, миссис Таккер... Кора Мэй, неужели тебе обязательно надо мазать маслом сразу весь кусок? Неужели ты до сих пор не научилась есть так, как полагается леди? Да, а вот у миссис Таккер новый холодильник – просто конфетка. Внутри электрический свет и все такое.

– Но нашему всего только два года, – запротестовал Джордж С. Перкинс. – И на мой взгляд, он совсем не плох.

– Ты говоришь так, – сказала миссис Шлай, – потому что очень прижимист, однако единственное, на чем ты можешь экономить, это на собственном доме и семье.

– Я подумал, – проговорил Джордж С. Перкинс, – знаешь, дорогая, если мы будем бережливы, то через год или два сможем взять отпуск – съездить в Европу, ну там, в Швейцарию или в Италию. Словом, туда, где у них горы.

– И что?

– И озера. А еще снег на вершинах. И закаты.

– И что же мы будем там делать?

– Ох... ну... просто отдыхать, наверное. И смотреть на окрестности, примерно так. Сама знаешь, на лебедей там и на парусные лодки. Сидеть вдвоем и смотреть.

– Угу, – проговорила миссис Шлай, – именно что *вдвоем*.

– Да, – проговорила миссис Перкинс, – ты всегда умел найти способ потратить хорошие денежки, Джордж Перкинс. Я тут кручусь как раба, экономлю на всем, чтобы отложить в копилку лишний пенни. А тебе лебедей подавай. Ну, прежде чем думать о лебедях, купи-ка мне новый «Фриджидэр», вот что я тебе скажу.

– Да, – согласилась с дочерью миссис Шлай, – что нам нужно, так это новый миксер для майонеза. И еще электрический кухонный комбайн. А кроме того, уже пора подумать о новой машине.

– Вот что, – проговорил Джордж С. Перкинс, – вы не поняли. Я не хочу ничего из того, что нам нужно.

– Как это? – спросила миссис Перкинс, оставшаяся дожидаться ответа с открытым ртом.

– Прошу тебя, Розы. Послушай меня. Ты *должна* понять... Я хочу чего-то такого, что нам не нужно вообще.

– Джордж Перкинс! Ты выпил?

– Розы, если мы начнем заново ту же самую песню... что купить... за что заплатить... машина, дом, счета от дантиста... и так далее... и снова сначала... и ничего нового – можно утратить последний шанс...

⁵ Американская марка холодильника.

– Что с тобой случилось? Что это на тебя вдруг накатило?

– Рози, дело совсем не в том, что я несчастен. И не в том, что мне не нравится то, что я имею от жизни. Все прекрасно, все мне нравится. Только... ну, просто наша жизнь стала похожа на мой старый домашний халат, Рози. Я рад тому, что он у меня есть, он красивый, в нем тепло и уютно, он мне нравится, как нравится здесь все остальное. Выходит именно так. И ничего более. А этого мало.

– Это мне нравится! Я подарила тебе на день рождения этот шикарный халат. И вот какую благодарность я от тебя слышу! Ну, если тебе он не нравится, почему же ты не обменял его?

– Ой, Рози, дело же не в этом! Халат чудесный. Только, понимаешь ли, человек не может прожить всю свою жизнь ради домашнего халата. Или ради вещей, к которым он относится подобным образом. Ради хороших вещей, Рози, однако этого мало, должно быть что-то еще.

– И что же?

– Не знаю. Просто так получается. Это нужно понять.

– Он тронулся, – проговорила миссис Шлай.

– Рози, человек не может жить ради вещей, ничего не значащих для него... ну, то есть не значащих для его души. В жизни должно существовать нечто такое, чего он боится... да, боится, и чему радуется. Это как ходить в церковь – только здесь речь не о церкви. Должно быть нечто такое, на что он будет смотреть снизу вверх. Нечто... высокое, Рози... Да-да, *высокое*.

– Ну, раз тебе не хватает культуры, разве я не записалась в Клуб книги месяца? Скажи, записалась?

– Ох, да я это знаю, только не могу объяснить. Рози, я прошу тебя всего об одной вещи, всего об одной. Давай съездим в отпуск. Давай попробуем. Быть может, там с нами нечто произойдет... нечто неожиданное... как бывает в мечтах. Если я откажусь от этой поездки, то сделаюсь стариком. А я не хочу стариться, пока еще не хочу, Рози. Боже мой, мне еще рано! Оставь мне еще несколько лет, Рози.

– Ой, да твой отпуск меня не волнует. Можешь получить свой отпуск, если мы сможем позволить его себе после того, как уладим все важные дела. Сначала главное, понимаешь. В первую очередь нужно думать о важном. О новом «Фриджидэре», например. Наш старый уже никуда не годится, в нем все постоянно портится. Вот у меня было яблочное повидло и...

– Ма-а, – протянула Кора Мэй, – а Джордж-младший таскал повидло из холодильника. Я сама видела.

– Я не таскал! – воскликнул Джордж-младший, поднимая бледную физиономию над тарелкой.

– Таскал, таскал! – заверещала Кора Мэй.

Третий ребенок, Генри Бернارد Перкинс, в скандале участия не принимал. Он сидел на высоком стульчике перед миской с кашей, задумчиво пуская слюни на клеенчатый нагрудник с изображением Матушки Гусыни.

– Ну вот, например, – проговорила миссис Перкинс, – если бы Джордж-младший действительно съел это повидло, страшно сказать, что стало бы с его животом. Повидло точно испортилось. Этот холодильник...

– А мне казалось, что он исправен, – возразил Джордж С. Перкинс.

– Ах, ему казалось? Это все потому, что ты не видишь ничего дальше собственного носа. Тебя не волнует, что твои дети едят увядшие овощи. А позволь мне сказать: ничего хуже увядших овощей в природе не существует. Миссис Таккер была на лекции, так там дама говорила, что если не давать детям достаточное количество тех витаминов, которые идут на рост костей, у них будет рахит. Вот что у них будет.

– В мое время, – проговорила миссис Шлай, – родители старались думать о том, чем они кормят своих детей. Возьмем, к примеру, китайцев. Они ничего не едят, кроме риса. Вот почему все китаёзы болеют рахитом.

– Вот что, мама, – проговорил Джордж С. Перкинс, – кто вам это сказал?

– Я знаю, о чем говорю, – отрезала миссис Шлай, – не одни только бизнесмены знают что почем!

– Но мама. Вовсе не... Я только хотел сказать, что...

– Не волнуйтесь, Джордж Перкинс. Ничего особенного. Я прекрасно знаю, что именно вы хотели сказать.

– Оставь маму в покое, Джордж.

– Но, Роза, я не...

– Розали, с ним говорить бесполезно. Если у мужчины хватает порядочности только на то, чтобы...

– Мамаша, вы оставьте нас с Роза...

– Я понимаю. Я прекрасно понимаю вас, Джордж Перкинс. В наши дни старой мамочке остается только заткнуться и ждать, пока ее отнесут на кладбище!

– Мадам, – набрался отваги Джордж С. Перкинс, – нельзя ли попросить вас перестать... скандалить.

– Ах, так? – взвизгнула миссис Шлай, бросая салфетку в соус. – Так, значит, получается? Значит, я мешаю вам? Значит, я вам в тягость, так? Отлично, рада, что вы это сказали, мистер Перкинс! А я, несчастная дура, надрываюсь в этом доме, думая, что это мой собственный дом! Полирую им плитку, только вчера это было, пока все ногти не переломала! И вот благодарность за это! Что ж, не желаю больше терпеть этого ни единой минуты! Ни минуты!

Она вскочила, дергая складками кожи на шее, и вылетела из комнаты, хлопнув за собой дверь.

– Джордж! – проговорила миссис Перкинс с округлившимися от ужаса глазами. – Джордж, если ты не извинишься, мама уйдет от нас!

Джордж С. Перкинс воздел глаза к потолку и моргнул. Усталость, накопившаяся за годы, счет которым он потерял, вдруг придала ему отчаянную смелость.

– Ну и пусть... пусть уходит, – проговорил он.

Миссис Перкинс замерла на месте, наклонилась вперед. А затем закричала:

– Значит, дошло уже и до этого? Так вот что оно делает с твоей семьей, твое крупное повышение? Явился домой и уже успел перессориться со всеми... готов вышвырнуть в уличную канаву старую мать своей жены! Если ты считаешь, что я намереваюсь...

– Послушай, – неторопливо проговорил Джордж С. Перкинс. – Я терпел ее столько, сколько мог. Лучше пусть уходит. Все равно этим, рано или поздно, и кончится.

Миссис Перкинс выпрямилась, и брошка с фальшивым бриллиантом на ее груди расстегнулась.

– Послушай-ка теперь меня, Джордж Перкинс. – Ее тонкий голос трепетал и захлебывался сухими звуками, исходившими откуда-то из гортани. – Если ты не извинишься перед мамой, если ты не извинишься перед ней до завтрашнего утра, я до самой смерти не буду разговаривать с тобой!

– Не возражаю, – проговорил Джордж С. Перкинс. Обещание это он слышал уже много раз.

Миссис Перкинс, взрыдав, бросилась вверх по лестнице в свою спальню.

Джордж С. Перкинс неловко поднялся и, тяжело ступая, побрел вверх по лестнице, склонив голову, уставившись на округлость собственного живота, одряхлевшая лестница кричала под его шагами. Кора Мэй с любопытством наблюдала за тем, куда направит свои стопы отец. Не сворачивая к двери в комнату миссис Перкинс, он пошаркал дальше по коридору в собственную спальню.

Джордж-младший протянул руку через стол, стащил с тарелки миссис Шлай оставшийся на ней кусок бараньей ноги и торопливо переправил его в рот...

Часы в гостиной пробили десять раз.

В доме погашены были все огни, если не считать неяркой лампочки, светившей в окне спальни Джорджа С. Перкинса, понуро сидевшего на постели в линялом купальном халате из сиреневой фланели и задумчиво изучавшего носки старых шлепанцев.

В дверь позвонили.

Джордж С. Перкинс вздрогнул. Это было странно; его окно располагалось как раз над крыльцом, а он не слышал шагов ни по улице, ни через лужайку, ни по бетонному полу крыльца.

Служанка уже ушла на ночь домой. Он нерешительно поднялся и зашаркал вниз по скрипучим ступеням.

Пройдя через темную прихожую, он отворил дверь.

– О, Боже мой! – только и сказал Джордж С. Перкинс.

На крыльце его стояла женщина в прямом черном костюме, застегнутом под самым подбородком, в шляпке с широкими мужскими полями, низко надвинутой на один глаз; он заметил плотно облегающую руку черную перчатку, блеснувшую в скудном свете лампы крыльца... тонкую невероятную руку, сжимавшую черную сумочку. Из-под полей шляпы выбивалась прядка светлых волос. Он не был знаком с этой женщиной, однако слишком хорошо знал ее лицо.

– Прошу вас, молчите, – шепнула она, – и впустите меня в дом.

Растопыренная пятерня прикрывала рот Джорджа С. Перкинса, и он самым дурацким образом пробормотал:

– Вы... вы... вы...

– Кей Гонда, – проговорила женщина.

Ладони его гирями свалились вниз, увлекая за собой руки. Ему пришлось заново учиться говорить. Он попытался. Издал нечленораздельный протяжный звук, превратившийся в – ч-ч-что...

– Вы Джордж Перкинс? – спросила она.

– Д-да, – неуверенно выговорил он. – Да, мэм. Джордж Перкинс. Джордж С. Перкинс. Да.

– Я попала в беду. Вы слышали об этом?

– Д-да... О, Боже!.. Да...

– Мне надо спрятаться. На одну ночь. Позволите ли вы мне остаться у вас?

– У меня?

– Да. На одну ночь.

Это была не его прихожая. Это был не его дом.

Он не мог услышать слова, которые только что услышал.

– Но вы... – он запнулся. – То есть... как... ну, *почему вы...*

– Я прочла ваше письмо. И подумала, что у вас меня никто не будет искать. И что вы захотите помочь мне.

– Я... – Он задохнулся. – Я... – Возвращаясь, слова обжигали его гортань, потерявшую все умение произносить звуки. – Мисс Гонда, пожалуйста, простите меня, вы знаете, как это бывает... то есть, если я не кажусь вам... ну если вам нужна помощь, вы можете провести здесь весь остаток дней своих, и если кто-то попытается... нет ничего, что я не сделал бы ради вас... если вы нуждаетесь во мне... во мне... мисс Гонда!

– Благодарю вас, – проговорила она.

– Проходите сюда, – прошептал он. – Не шумите... сюда.

Он провел ее вверх по лестнице, и она следовала за ним как тень, так что он не слышал ее легких шагов за своей тяжелой поступью.

Закрыв за собой дверь собственной спальни, он задернул шторы на окнах, а потом остановился, разглядывая ее бледное лицо, широкий рот, глаза, притененные длинными ресницами, глаза, видевшие слишком много, глаза, подобные звуку... глаза, подобные множеству

звуков... глаза, говорящие то, что он давно хотел понять, всегда опаздывая на один, последний звук... глаза, готовые объяснить ему смысл того, что они говорили.

– Так это вы... – пробормотал он. – Это вы... Кей Гонда.

– Да, – сказала она.

Кей Гонда бросила свою сумочку на его кровать, сняла с головы шляпку и швырнула на его комод. Стащила с рук перчатки, и он с волнением увидел длинные прозрачные пальцы, ладони, казавшиеся призраком обыкновенных человеческих рук.

– То есть... вы хотите сказать, что вас действительно разыскивают?

– Полиция, – проговорила она, и спокойным тоном добавила: – За убийство, как вам известно.

– Послушайте, но они не могут арестовать вас. Только не вас. Это ни во что не укладывается. Если я могу что-то сделать...

Он умолк, прикрывая ладонью рот. В коридоре зазвучали шаги, тяжелые, торопливые, шлепанцы хлопали по босым пяткам.

– Джордж! – послышался из-за двери голос миссис Перкинс.

– Да, г-голубка?

– Кто это звонил у дверей?

– Н... никто, голубка. Кто-то ошибся адресом.

Они вдвоем стояли, прислушиваясь к удалявшейся по коридору поступи шлепанцев.

– Это моя жена, – шепнул он. – Нам... нам лучше помалкивать. Она женщина нормальная. Только она... она ничего не поймет.

– Если меня застанут у вас, – проговорила она, – это может повредить вам.

– Мне все равно... меня это не волнует.

Она улыбнулась ему той самой неторопливой улыбкой, которую он столько раз видел в бездонной дали, на экране. Только теперь лицо это находилось перед ним. И он угадывал слабый красный отсвет на ее бледных губах.

– Что ж, – моргнув, он беспомощно развел руки, – что ж, чувствуйте себя как дома. Можете заночевать здесь. А я... я спущусь в гостиную и...

– Нет, – ответила она. – Я не хочу спать. Оставайтесь здесь. Нам, вам и мне, нужно поговорить очень о многом.

– О, да. Конечно... то есть... о чем же, мисс Гонда?

Она опустилась на постель, не замечая этого, так, словно бы провела в этой комнате всю жизнь.

Он присел на краешек кресла, поплотнее завернувшись в старый купальный халат, горько и неявно для себя самого сожалея о том, что не купил тот, новый, который понравился ему на распродаже компании «Дей».

Ее широкие, бледные, полные удивления глаза были обращены к нему, словно бы она чего-то ждала. Моргнув, он кашлянул.

– Холодная сегодня выдалась ночь, правда, – пробормотал он.

– Да.

– Такова Калифорния... Золотой Запад, – добавил он. – Солнце светит весь день, но становится холодно, когда... но очень холодно ночью.

– Бывает.

Ему казалось, что она ухватила в самой глубине его нечто непонятное, ухватила и стиснула своими невозможными голубоватыми пальцами, потом потянула, причинив боль, которую он помнил по временам, очень далеким, и теперь оказалось, что он в состоянии снова ощутить эту боль, заставившую его задохнуться.

– Да, – проговорил он, – ночью всегда холоднее.

– Дайте мне сигарету, – попросила она.

Вскочив, он залез в карман своего пиджака, извлек из него пачку и дрожащей рукой поднес ей. Он сломал три спички, прежде чем ему удалось зажечь четвертую. Она откинулась назад, красное пятнышко трепетало на конце сигареты.

– Я... такие вот я курю, – пробормотал он, – меньше раздражают горло...

Это мгновение он ждал сорок лет. Сорок лет... для того, чтобы увидеть изящный черный силуэт, присевший на постеленное на его кровати лоскутное покрывало. Он не мог поверить в это мгновение, но ведь ждал его. Ждал и знал, что ждет. Так что же он хотел сказать ей?

– Вот Джо Таккер – один мой приятель, так вот, этот Джо Таккер курит сигары. А я так и не привык к ним, – сказал он.

– У вас много друзей? – спросила она.

– Да, конечно. Конечно же, много. Не могу пожаловаться.

– И вам приятно быть с ними?

– Конечно, вполне приятно.

– А вы им нравитесь? Они уважают вас и кланяются вам на улице?

– Ну... ну, наверно, да.

– А сколько вам лет, Джордж Перкинс?

– В этом июне исполнится сорок пять.

– А вам будет тяжело – не правда ли? – потерять свою работу и оказаться на улице? На темной и одинокой улице, когда ваши друзья будут проходить мимо вас и смотреть в сторону, не замечая, как нечто не существующее в природе? И вам захочется закричать, обратить на себя их внимание, чтобы рассказать о ведомых вам великих тайнах, но никто не захочет услышать вас и никто не решится ответить?

– Но... когда... когда может случиться нечто подобное?

– Когда меня обнаружат у вас, – спокойным голосом проговорила она.

– Послушайте, – возразил он. – Не будем беспокоиться об этом. Вас здесь не найдут. И я не боюсь за себя.

– Они ненавидят меня, Джордж Перкинс. И ненавидят всех тех, кто принимает мою сторону.

– Но почему они ненавидят вас?

– Потому что я – убийца, Джордж Перкинс.

– Ну, знаете, если спросите мое мнение, я в это не верю. Я даже не стану спрашивать вас о том, почему вы сделали это. Я просто не верю.

– Если вы про Грантона Сэйерса... нет, я не хочу говорить о Грантоне Сэйерсе. Забудем о нем. Но я остаюсь убийцей. Во многих отношениях. Видите ли, я пришла к вам и, возможно, разрушу вашу жизнь – все, что вы считали своей жизнью целых сорок пять лет.

– Это не так уж много, мисс Гонда, – прошептал он.

– Вы всегда смотрите мои фильмы?

– Всегда.

– И выходя из кинотеатра, вы чувствуете себя счастливым?

– Да. Конечно... Впрочем, нет. Наверное, нет. Забавно, подобное соображение ни разу не приходило мне в голову. Я... мисс Гонда, – вдруг проговорил он, – а вы не будете смеяться, если я кое-что скажу вам?

– Конечно же, нет.

– Мисс Гонда, я... после каждой вашей новой ленты я плачу. Запираюсь в ванной комнате и рыдаю. Сам не знаю, почему. Конечно, глупо, когда взрослый человек ведет себя подобным образом... И я ни единой душе не рассказывал об этом, мисс Гонда.

– Я знаю это.

– Вы... откуда?

– Я же сказала вам, что я – убийца. И я убиваю многое. Я убиваю в мужчинах то, чего ради они живут. Однако они приходят в кинотеатры, чтобы увидеть меня, потому что я позволяю им понять, что они сами хотят, чтобы их цели погибли. Что они хотят жить ради других, более высоких целей. Или хотя бы думают, что хотят. И в этом заключена вся их гордость, что они так думают и говорят.

– Я... боюсь, что я не вполне понимаю вас, мисс Гонда.

– Однажды поймете.

– Вот что, – спросил он, – вы и в самом деле сделали это?

– Что?

– Вы действительно убили Грантона Сэйерса?

Она посмотрела на него и ничего не ответила.

– Мне... я просто хотел узнать, почему вы смогли это сделать, – пробормотал он.

– Потому что я не могла больше терпеть его. Бывает так, что ты не в состоянии больше терпеть.

– Да, – проговорил он. – Такое случается.

Голос его сделался ровным, естественным и уверенным в себе.

– Вот что, – проговорил он. – Я не отдам вас полиции. Пусть сперва разберут по камешку весь дом. Даже если они явятся сюда с газовыми бомбами и всем прочим.

– Почему? – спросила она.

– Не знаю... только...

– В вашем письме было сказано...

– Ах да, – он осекся. – А знаете, никогда не думал, что вы прочтете эту глупую бумажонку.

– Совсем не глупую.

– Ну, вы должны простить меня, мисс Гонда, сами знаете, такой уж народ мы, кинолюбцы, и у вас, наверно, много таких поклонников, я имею в виду, и писем от них.

– Мне приятно думать, что я не безразлична людям.

– Вы должны простить меня, если в этом письме наговорил чего-то резкого и слишком личного.

– Вы писали, что не ощущаете себя счастливым.

– Я... я не собирался жаловаться, мисс Гонда, или... Просто... не знаю, как объяснить... Должно быть, я что-то потерял по пути. Не знаю, что именно, но знаю, что потерял, только не знаю причину.

– Но, быть может, вы и хотели утратить это самое нечто?

– Нет. – Голос его был тверд. – Нет.

Он поднялся и стал, глядя ей в лицо.

– Понимаете ли, я не могу назвать себя несчастным. Более того, я очень счастлив, если разложить все по полочкам. Только какая-то частица меня знает о жизни, которой я никогда не жил, о жизни, которой никто не жил, хотя должен был жить.

– Вы это знаете? Так почему же вы сами не живете такой жизнью?

– А кто живет? Кто способен на это? Кто вообще получает шанс на... на самое близкое и возможное подобие? Мы все стараемся что-то выторговать. Мы берем только второй сорт. Потому лишь, что другого нет. Но... Бог в каждом из нас знает это другое... самое лучшее... которое никогда не приходит.

– Ну... а если оно придет?

– Мы вцепимся в это лучшее, потому что в нас есть Бог.

– И... вы действительно хотите этого? Тот Бог, который в вас?

– Слушайте, – сказал он суровым тоном, – я твердо знаю: пусть они, копы, придут сюда и попытаются увести вас. Пусть они даже сломают весь этот дом. Я сам построил его, пятнадцать

лет ушло у меня на то, чтобы за него расплатиться. Пусть разбирают его по кирпичику. Пусть приходят сюда, пусть кто угодно приходит сюда за вами...

Дверь распахнулась настежь.

На пороге стояла миссис Перкинс, комкавшая на животе застиранный синий вельветовый халат. Длинная, розово-серая хлопковая ночная рубашка спускалась на носки поношенных бархатных шлепанцев. Волосы ее были собраны на затылке тугим и жидким пучком, из которого на шею выпадала булавка. Миссис Перкинс дрожала.

– Джордж! – охнула она. – Джордж!

– Тихо, моя голубка... входи... и закрой дверь!

– Мне показалось, что я услышала голоса. – Булавка скользнула между ее лопатками.

– Роза... это... мисс Гонда, позвольте представить – моя жена. Роза, это мисс Гонда, понимаешь, мисс Кей Гонда!

– В самом деле? – произнесла миссис Перкинс.

– Роза... ну, ради Бога! Ты не поняла? Это мисс Гонда, кинозвезда. Она... она, как ты знаешь, попала в беду, ты слышала об этом и в газетах писали...

Он в отчаянии повернулся к своей гостье, ожидая от нее поддержки. Однако Кей Гонда не пошевелилась. Она встала, встала и замерла, уронив по бокам бессильные руки, огромные глаза ее смотрели на них обоих, не моргая, без выражения.

– Всю свою жизнь, Джордж Перкинс, – проговорила миссис Перкинс, – я знала, что ты – подлый лжец! Но это уже выше всякой меры! Чтобы у человека хватило совести привести эту бродяжку в свой собственный дом, в свою спальню!

– Да заткнись ты! Роза! Послушай! Это такая огромная честь, что мисс Гонда решила... Послушай же! Я...

– Ты? Ты точно пьян! И я не стану слушать ни единого твоего слова, пока ты не выставишь эту бродяжку из дома!

– Роза! Послушай и успокойся, ради Бога, послушай, тебе не о чем волноваться, дело в том, что мисс Гонду разыскивает полиция и...

– Ох!

– ...по делу об убийстве...

– Ох!

– ...и она просит разрешения переночевать у нас. И все.

Миссис Перкинс расправила халат, ночная рубашка вылезла из него на груди, выцветшие голубые розы и бабочки трепетали на серовато-розовом фоне.

– Послушай меня, Джордж Перкинс, – сказала она неторопливо. – Я не знаю, что случилось с тобой. Не знаю. И не хочу знать. Скажу тебе только одно: или эта женщина сию минуту уберется из этого дома, или уйду я.

– Но голубка, позволь мне объяснить.

– Я не нуждаюсь в объяснениях. Я заберу свои вещи и детей тоже. И буду молить Бога, чтобы мне не пришлось еще раз увидеть тебя.

Голос ее оставался медленным и спокойным. И он понял, что на сей раз она действительно так и поступит.

Она ждала. Он молчал.

– Вели ей убираться отсюда, – сквозь зубы прошипела она.

– Роза, – пробормотал он, задыхнувшись, – Я не могу этого сделать.

– Джордж, – прошептала она, – мы прожили вместе пятнадцать лет...

– Я это знаю, – ответил он, не глядя на нее.

– Мы же боролись с тобой, трудились, разве не так? Вместе, ты и я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.